

Украина – на первом месте в Европе по количеству людей, которые в течение прошлых 20 лет стали считать себя религиозными, говорит профессор Хосе Казанова, социолог из Джорджтаунского университета.

В интервью [BBC Украина](#) профессор Казанова рассказал, что именно вызвало всплеск религиозности, как могут развиваться отношения между православными и греко-католиками и почему РПЦ будет сложно стать главной церковью в Украине.

Он также поделился своими взглядами на духовную жизнь без религии и рассказал, почему науке и религии стоит прислушаться друг к другу.

BBC Украина: в своей лекции в Киево-Могилянской академии Вы сказали, что за два прошедших десятилетия количество религиозных людей в Украине росло быстрее всего в Европе. Чем это можно объяснить?

Профессор Казанова: Украина, которая граничит с католическим миром и одновременно связана с русским православием, исторически прошла процесс конфессионализации (процесс утверждения конфессий. – деконфессионализации, когда люди переходили из одной конфессии в другую.

Ред.) и

Особенно динамическая территория – Западная Украина, именно потому, что она была почти полностью греко-католической, а когда произошло слияние с Советским Союзом, после Второй мировой всех заставили становиться православными. Затем, после получения независимости, люди получили выбор: можно было возвращаться в греко-католицизм (более 50% так и сделали), но многие остались православным.

Появился выбор, к какой религии или конфессии себя причислить. Это редкое явление (в Европе. – *Ред.*). Обычно люди имеют выбор или принадлежать к церкви, или быть нерелигиозными. По сути, у них нет никакой альтернативы в рамках религии.

Но в Украине ни одна из церквей не смогла стать национальной церковью, поскольку новое государство решило оставаться нейтральным и не становиться на сторону Московского патриархата, Киевского патриархата или греко-католической церкви. Здесь возникло открытое поле религиозной конкуренции. И тогда стал развиваться плюрализм. Поскольку четыре крупнейшие церкви стали деноминациями, другие религиозные меньшинства, секты, также стали равными деноминациями.

И поэтому у вас также наблюдается прирост среди баптистов, иудейских и мусульманских общин и даже среди новых сект (религиозных меньшинств, новых религиозных течений – *Ред.*). И я предполагаю, что эта динамика будет расти еще некоторое время.

Вы также говорили на лекции, что религиозная система в Украине больше похожа на модель США, чем Европы. В чем это сходство?

Дело в термине *деноминация* – именно им пользуются церкви в Соединенных Штатах. Там спрашивают:

– Какая у вас деноминация?

– Я баптист, методист, католик, иудей и т.д.

Деноминация означает просто имя, которым я сам себя называю и по которому меня узнают другие. Похожего термина нет ни в одном европейском языке. Его переводят или словом *конфессия*, которое означает обязательную религию, навязанную сверху, или *секта*

, обозначающее религиозные меньшинства, тогда как деноминация – это и не церковь, и не секта. Этот термин разрушает бинарную категорию церкви и секты, и все они становятся равными деноминациями. И это называется деноминационализм – система, в которой все религии имеют равные права и конкурируют друг с другом.

Это уникальная модель, которая развилась в США по историческим причинам. И Украина – единственная страна в Европе, которая имеет похожую структуру церквей и такие же исторические причины.

Вы новое национальное государство, но раньше у вас не было национальной церкви. И теперь у людей есть выбор.

Во времена, когда США стали независимыми, была Конгрегационная церковь в колониях Новой Англии, Пресвитерианская церковь в среднеатлантических колониях, Англиканская церковь в южных колониях. Ни одна из трех не смогла стать национальной церковью. Поэтому государство решило оставаться нейтральным.

На момент обретения независимости мелкие меньшинства баптистов и методистов составляли в США меньше процента, а уже через 20 лет стали самыми деноминациями.

Похожая структура возникла здесь. У вас очень сильная Греко-католическая церковь на Западе, сильный Киевский патриархат в центре и сильный Московский патриархат на Востоке. И украинское государство решило не становиться на сторону ни одной церкви, и у вас началась религиозная конкуренция, особенно в Галичине.

Все же в течение прошлых лет мы наблюдаем, как первые лица государства демонстрируют свою лояльность Московскому патриархату, например, посещая богослужения. Вы допускаете возможность, что Украина пойдет по пути России и

Московский патриархат станет неофициальной государственной религией?

Сомневаюсь в этом. Хотя, конечно, такая вероятность существует, если украинское государство станет теснее связанным с Россией и потеряет автономию или даже воссоединится с бывшими советскими республиками в том новом формате (очевидно, речь идет о Таможенном союзе – *Ред.*).

Правительства всегда имели свои предпочтения. Кравчук благоволил Киевскому патриархату, Кучма – в Московскому. Ющенко нравились Киевский патриархат и Греко-католическая церковь, Янукович полюбил Московский патриархат. Но это правительства, а само государство, в рамках своей конституции и структуры, придерживалось религиозной свободы для всех. Надо различать действия правительства и структуру государства.

Но если правительство будет приближаться все ближе к России, структура государства тоже может поменяться. Однако Московскому патриархату будет очень сложно укорениться здесь как главной церкви, потому что его ожидает сопротивление. Ведь даже в самом Московском патриархате довольно большие группы верующих, которые могут выйти из церкви и присоединиться к Киевскому патриархату, если Московский патриархат станет действительно русской, а не православной украинской церковью.

Поэтому я сомневаюсь в таком развитии событий.

Мое впечатление, что Автокефальная церковь исчезнет, потому что она мелкая и сильно разделена. А после смерти Филарета события будут развиваться по новому пути. И, вероятно, у вас будет три сильные церкви, которые будут заявлять о себе как о церквях Киевской Руси, связанных с тремя Римами. Особенно, если Константинополь признает Киевский патриархат.

Как будут развиваться отношения Московского патриархата с Греко-католической церковью?

Архиепископ Иларион из России во время встречи с новым папой сказал, что надеется, что папа продолжит экуменический диалог с Русской православной церковью. А это означает не выразить приверженность униатству.

Проблема Греко-католической церкви в Украине становится одним из проявлений трения между Римом и Москвой. Поэтому, думаю, на самом деле для межцерковных отношений будет полезно, если в Украине появится сильная церковь Киевского патриархата, которую признает Константинополь.

Думаю, в долгосрочной перспективе это позволит избежать противостояния Московского патриархата и Рима. Это будет, вероятно, лучшее развитие событий для Украины.

Сейчас многие люди в разных странах ведут духовную жизнь, не связывая себя ни

с одной религией...

Да, в Соединенных Штатах люди все чаще выбирают возможность вести духовную, а не религиозную жизнь. Там растет недовольство всеми институтами, включая церковь и политические партии.

В Европе в течение последних 10 лет развивается тенденция "подальше от церкви". Но то, что люди не религиозны, еще не означает, что они выбирают духовность. Однако в Европе растет число людей, которые говорят, что "я религиозен по-своему". Это частная религиозность, "невидимая религия", о которой когда-то писал немецкий социолог Томас Лукман, определяя ее как индивидуальную форму религии без связей с институтами или конгрегациями.

И это очень сильная тенденция по всему миру, во всех религиях, даже в исламе. А буддизму и индуизму она была присуща всегда. В азиатских религиях все время существовали эти индивидуальные духовные пути.

Можно сказать, что даже в Польше люди часто имеют собственную религиозность и при этом ходят в церковь. Индивиды сами выбирают, какие аспекты религии воспринимать всерьез, а какие можно отбросить. В этом смысле речь идет о "кафетерии католицизма", в котором люди выбирают отдельные составляющие, создавая собственный синтез.

Вы лично верите в то, что наука и религия могут найти общую почву?

Они уже нашли ее.

Невозможно говорить о науке и религиозности абстрактно. Совершенно очевидно, что крупные ученые, такие как Галилей, были глубоко религиозными. Кеплер был преданным лютеранцем. А Ньютон, вычисляя время второго пришествия Христа, исписал гораздо больше страниц, чем высчитывая движение звезд. Ну и, конечно, такие люди как Эйнштейн, который однозначно говорил, что не видит никаких проблем (в сочетании

религии и науки – Ред.)

Если бы мы смотрели на реальность только научно, у нас бы не было любви, доверия, различного вида эстетики отношений. Идея о том, что реальность можно сжать до научного, когнитивного процесса, абсурдна.

Религия касается вопросов, на которые наука не может дать ответов. И сейчас все больше ученых ставят перед собой вопросы, на которые наука не дает ответов. Они говорят о Большом взрыве, истории космоса, Солнечной системы, биологии. Но ни одна научная теория не может установить эти связи. Наука – это только факты, а связи мы описываем сами, и это уже нарратив.

Истории, которые рассказывает космофизика – это уже не наука. А если это не наука, то что? Получается, что наука сама хочет выйти за свои пределы и попасть в поле метафизики – вопросов, которые лежат за пределами физики.

С профессором Казановой говорил Олег Карпьяк

СПРАВКА. **Хосе Казанова** – американский социолог, профессор Джорджтаунского университета, руководитель Программы по глобализации, религии и секулярности Центра Беркли, США.

Награжден Премией по теологии Зальцбургского университета.

Автор работ по вопросам религии и глобализации. Его самая известная книга *Public Religions in the Modern World* (Публичные религии в современном мире) признана современной классикой в социологии религии.

Благодаря жене украинского происхождения, г-н Казанова свободно говорит на украинском языке.

Институт религиозной свободы, Киев www.irs.in.ua

Источник: [BBC Україна](#)